

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Митякин

Христос на суде у Пилата

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1893. № 3-4. С. 225-258.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Христосъ на судѣ у Пилата.

«Вѣрую... въ Господа нашего Иисуса Христа... распятаго за ны при Понтійствѣмъ Пилатѣ»

Символь вѣры.

«Christus Tiberio imperante per procuratorem P. Pilatum supplicio affectus erat».

Тацитъ.

ПОСЛѢДНИЕ ДНИ земной жизни Господа нашего Иисуса Христа сопровождались цѣлымъ рядомъ глубоко поразительныхъ и поистинѣ ужасныхъ событій, вполне обнаружившихъ, до какого страшнаго неистовства могутъ доходить темныя силы зла, когда онѣ стараются нанести рѣшительный ударъ добру и святости. И нельзя безъ содроганія читать тѣхъ священныхъ страницъ, гдѣ евангелисты излагаютъ предъ нами исторію этихъ именно дней, которые, начавшись днемъ торжественнаго входа Христа въ Иерусалимъ въ качествѣ истиннаго Сына Давидова и царя іудейскаго, вступающаго въ Свою столицу среди народныхъ ликованийъ и привѣтствій, быстро привели къ Голгоѣ съ ея невообразимыми ужасами—къ позору и мукамъ смерти на крестѣ среди разбойниковъ. Но среди этого ряда событій особенно поразительною съ исторической точки зрѣнія была та рѣшительная сцена, которая разыгралась у подножія римскаго трибунала, когда земное римское правосудіе, хотя и ввѣренное далеко не вполне достойному представителю, дѣлало настойчивую попытку защитить воплощенную невинность отъ яростной злобы ослѣпленной неправды. Недаромъ эта сцена была предметомъ многихъ и научныхъ и художественныхъ изображеній, потому что она заключаетъ въ себѣ все, что только способно волновать сердце человѣческое всѣми до противополо-

ложности разнообразными чувствами, и въ подробностяхъ ея благочестивое чувство правды никогда не перестанетъ находить для себя источникъ глубочайшаго назиданія ¹⁾).

Было раннее утро того дня, который назывался „приготовленіемъ къ пасхѣ“ ²⁾), слѣдовательно, великая пятница. Жизнь на востокѣ обыкновенно пробуждается рано, потому что всѣ спѣшатъ воспользоваться для совершенія своихъ дѣлъ пріятной прохладой утреннихъ часовъ до наступленія томительнаго зноя полуденнаго солнца. Поэтому лишь только начинался разсвѣтъ, какъ улицы Іерусалима быстро наполнялись оживленными толпами, торопливо двигавшимися по всѣмъ направленіямъ. Древній Іерусалимъ съ его узкими улицами и тѣсными базарами и вообще былъ крайне многолюденъ, но къ празднику пасхи въ него стекалось такое множество народа, что святой городъ долженъ былъ производить поистинѣ необычайное впечатлѣніе. По свидѣтельству І. Флавія, въ празднованіи одной пасхи вмѣстѣ съ населеніемъ города участвовало 2,700,000 человекъ ³⁾). Къ городу постоянно прибывали огромные караваны, производившіе все большее и большее оживленіе какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его окрестностяхъ. Тутъ можно было видѣть іудеевъ разсѣянна изъ всѣхъ возможныхъ странъ міра. Подъ сѣнію храма встрѣчались между собою іудеи изъ Парсіи, Мидіи, Элама, жители Месопотаміи въ одеждахъ далекаго востока, останавливавшіеся въ окрестностяхъ или на базарахъ съ своими верблюдами и мулами; партіи паломниковъ изъ всѣхъ странъ Малой Азіи, Каппадокіи, Понта и другихъ, съ отличительными особенностями въ одеждѣ и языкѣ; массы зажиточныхъ іудеевъ изъ Египта, главнаго мѣстопробыванія иноземныхъ іудеевъ, изъ Ливіи и далекой Киренаики въ Африкѣ; паломники даже изъ міродержавнаго Рима и изъ далекихъ городовъ и селеній

¹⁾ См. G. A. Müller, Pontius Pilatus, Stuttgart 1888; «Судъ надъ І. Христомъ» въ приложеніи къ «Законодат. Моисея» А. Лопухина; Н. Макавейскаго, Археологія исторіи страданій Г. наш. І. Христа, Кіевъ 1891, глава II; Инокентія, Послѣдніе дни земной жизни І. Хр., изд. 3-е, стр. 231 и сл., и соответствующія главы въ жизнеописаніяхъ І. Христа у Фаррара, Эдершейма, Гейки и др.

²⁾ Іоан. XIX, 14: *παρασκευὴ τῆς πάσχα*, «пятница передъ пасхой».

³⁾ Bell. Jud. VI, 9, 3.

малодоступной Аравіи. Однимъ словомъ, весь іудейскій міръ собирался въ одно мѣсто. Въ этомъ городѣ сосредоточивалось все — и прошедшее и настоящее народа Божія и слышенъ былъ только говоръ безчисленныхъ языковъ, который, наполняя воздухъ, поистинѣ былъ величественнымъ свидѣтельствомъ славы единого истиннаго Бога ко всему міру. Наступленіе собственно дня возвѣщалось городу трубными звуками римскаго гарнизона съ укрѣпленной башни Антоніи, за которыми слѣдовали три трубныхъ звука изъ храма, призывавшихъ къ молитвѣ. Но уже раньше этого, жизнь со всею ея суетой вступала въ свои права. Продавцы овецъ и рогатаго скота, мѣновщики денегъ и всевозможные промышленники поспѣшали къ храму, чтобы пораньше занять мѣста на дворѣ язычниковъ. Богомольцы со всѣхъ сторонъ массами устремлялись также къ храму, хотя одновременно для утренней молитвы открывались и всѣ многочисленныя синагоги. При появленіи перваго луча восходящаго солнца, каждый молитвенно преклонялъ голову, гдѣ бы онъ ни находился въ этотъ моментъ. Какой нибудь фарисей въ широкихъ воскриліяхъ парочито, въ ожиданіи этого момента, выходилъ на улицу, на людной перекрестокъ, внезапно останавливался и съ показнымъ благоговѣніемъ привязывалъ къ себѣ на чело и къ рукѣ „хранилища“ съ заповѣдями Божіими и всенародно совершалъ свою утреннюю молитву. Повсюду можно было видѣть проходящихъ священниковъ и левитовъ, видъ которыхъ въ ихъ своеобразныхъ одеждахъ придавалъ особый колоритъ святому городу. Въ массѣ народа встрѣчались и крайне своеобразныя фигуры ессеевъ — въ ихъ бѣлоспѣжныхъ, чуждыхъ всякаго обрядоваго оскверненія, одеждахъ, чистоту которыхъ они съ боязливою осторожностью оберегали отъ соприкосновенія съ тутъ же сповавшими мытарями, римскими легионерами и всевозможнымъ смѣшаннымъ людомъ.

Не трудно представить себѣ, какаѣ суетня и толкотня господствовала на улицахъ Іерусалима въ такой день при такомъ огромномъ стеченіи столь разнороднаго по своимъ привычкамъ люда; но въ описываемое именно утро нельзя было не замѣчать въ толпѣ болѣе чѣмъ обычнаго возбужденія. Народная толпа вообще, а восточная въ особенности, крайне чутка къ происходящимъ среди нея событіямъ, и отъ нея не могло

ускользнуть того, что совершилось въ предшествующую ночь. Стоустая молва уже конечно успѣла разнести повсюду вѣсть, что тотъ галилейскій Пророкъ, Который еще такъ недавно съ необычайнымъ торжествомъ вступалъ въ Іерусалимъ и былъ прославляемъ, какъ Сыпъ Давидовъ, схваченъ вождями іудейскими и преданъ суду, какъ обманщикъ и оболъститель народа, м е с и т ь и богохульникъ, и синедріонъ въ своемъ ночномъ засѣданіи произнесъ надъ нимъ свой страстный приговоръ: и ш ь м а в е о ь — „человѣкъ смерти“ (т. е. достойный смерти). Оставалось только получить утвержденіе этого приговора со стороны прокуратора римскаго и — народу предстояло зрѣлище, ради котораго можно было еще остаться въ Іерусалимѣ на нѣсколько дней. И дѣйствительно молва не ошиблась. Часовъ около семи утра, по нашему счисленію, отъ дома первосвященника Каиафы показалась необычайная процессія, которая направлялась по узкимъ улицамъ верхней части города, очевидно поднимаясь на гору Сіонъ, гдѣ красовался роскошный дворецъ, нѣкогда построенный со всею пышностію изысканнаго стilia Иродомъ Великимъ, конечно для себя и своихъ преемниковъ, но теперь по большей части пустовавшій и только по большимъ праздникамъ служившій мѣстомъ временнаго пребыванія представителя римской власти, прокуратора. Среди этой процессіи, состоявшей изъ знатнѣйшихъ вождей народа, книжниковъ и фарисеевъ, съ спокойнымъ величіемъ, хотя и съ томною грустью на божественномъ лицѣ, двигался со связанными назадъ руками и съ признаками грубаго издѣвательства на одеждѣ тотъ галилейскій Пророкъ, Который именно обвинялся какъ оболъститель народа и богохульникъ. Можно представить себѣ, какъ, падая на все необычайное, толпа съ крайнимъ любопытствомъ ринулась къ даровому зрѣлищу, такъ что съ приближеніемъ ко дворцу римскаго прокуратора процессія по необходимости должна была представлять необозримую массу головъ, — надъ которой носился разноголосый и своеобразный гвалтъ, составляющій особенность крайне возбужденной и разнородной толпы.

Процессія остановилась передъ дворцомъ, который, какъ служившій иногда резиденціей римскаго садовника претора,

назывался обыкновенно „преторіей“. Дворецъ, построенный на выдающейся возвышенности, гордо высился съ своей колонадой надъ окружающими его домами, такъ что изъ окопъ его открывался далекій видъ на городъ съ его извивающимися улицами. Самъ прокураторъ или его часовой могъ издали замѣтить приближеніе необычайной процессіи и сдѣлать необходимыя справки и приготовленія. Судя по возбужденію толпы, можно было полагать, не произошла ли опять какая-нибудь вспышка народнаго фанатизма, въ родѣ тѣхъ, которыя то и дѣло случались по большимъ праздникамъ, причиняя массу хлопотъ римскому прокуратору, который, собственно въ видахъ поддержанія общественнаго порядка, и переселялся на праздники въ Іерусалимъ изъ своей обычной резиденціи—Кесаріи приморской, представлявшей больше удобствъ къ сношенію съ Римомъ. Но скоро разъяснилось, что никакого возмущенія не было, а вожди народа привели къ преторіи узника, чтобы получить отъ прокуратора утвержденіе на произнесенный надъ нимъ приговоръ. Въ преторіи была особая палата, служившая мѣстомъ разбора судебныхъ дѣлъ, со всѣми принадлежностями, необходимыми для формальнаго судопроизводства. Но старѣйшины іудейскіе теперь не хотѣли вступать внутрь преторіи съ ея языческими украшеніями и эмблемами, такъ какъ-де это подвергло бы ихъ обрядовому оскверненію и лишило возможности вкушать паху. (Эти гробы поваленные, внутри наполненные всякою мерзостью и нечистотою, безчеловѣчные изверги, сердца которыхъ пылали кровожадною злобою на неповиннаго Страдалца, остались до послѣдняго момента вѣрными своей грубозаконнической праведности и, не боясь оскорбленія высшей правды) ^{они} опасались хотя случайнаго, чисто внѣшняго оскверненія чрезъ соприкосновеніе съ чѣмъ нибудь такимъ, что, по обрядовому закону, можно было счесть за нечистое. Въ такомъ смыслѣ должно было прокуратору, который по-этому долженъ былъ выйти на площадку преторіи, чтобы съ нея выслушать и разобрать предстоявшее дѣло.

Прокураторомъ въ это время былъ Понтій Пилатъ (съ 26 по 36 г.). По своему сану это былъ, такъ сказать, губернаторъ, которому ввѣрено было управленіе Іудеей и Самаріей, состав-

лявшими отдѣльный округъ, какъ часть большой провинціи Сиріи, находившейся подъ управленіемъ проконсула, санъ котораго можно поставить въ соотвѣтствіе съ саномъ генераль-губернатора. Прокураторы или по гречески—игемоны („правители“) обыкновенно происходили изъ класса римскихъ всадниковъ и на ихъ обязанности особенно лежало, помимо поддержанія общаго порядка и покорности, особенно собираніе доходовъ со ввѣренныхъ ихъ управленію округовъ, а также и завѣдываніе относящимися сюда судебными дѣлами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда общее состояніе округа внушало значительныя политическія опасенія, прокураторамъ предоставлялись и нѣкоторыя проконсульскія права, и въ этихъ случаяхъ они имѣли въ своемъ распоряженіи значительные отряды войска и по своему усмотрѣнію могли рѣшать даже уголовныя дѣла, хотя и всегда въ нѣкоторомъ соподчиненіи проконсулу провинціи. Такія именно права предоставлены были прокураторамъ Палестины, такъ какъ имъ постоянно приходилось бороться съ серьезными политическими затрудненіями, именно вспышками и мятежами этого недовольнаго, неукротимаго въ своихъ политическихъ мечтахъ народа іудейскаго, изъ среды котораго то и дѣло выступали отчаянные „зилоты“, которые низверженіе пга язычниковъ считали своимъ долгомъ предъ закономъ и Боговою. Для сдерживанія и подавленія подобнаго фанатизма прокуратору необходимо было имѣть подъ руками войско, которое и занимало въ Іерусалимѣ укрѣпленную башню Антонію, откуда во всякій моментъ, по извѣстному сигналу, можно было вызвать необходимый отрядъ хорошо вооруженныхъ легионеровъ. Въ виду такого положенія дѣла, прокураторами Іудеи преимущественно назначались люди извѣстной воинской опытности, и самое прозвище Понтія Pilatus, т. е. копьеметатель, указываетъ на то, что онъ въ свое время состоялъ начальникомъ особаго отряда копьеметателей, для каковаго положенія требовалось особое мужество и воинская опытность¹⁾. Судя потому,

¹⁾ Понтія вели свое происхожденіе отъ древняго самнитскаго рода. Кромѣ Понтія Пилата, въ римской исторіи извѣстны еще: Понтій Аквила, одинъ изъ убійць Цезаря, Ц. Понтій, предводитель самнитянъ при Кавдіумѣ, Понтій Телеванъ, самнитскій вождь, и др. См. С і с. Off. II, 21, 75; ad fam. X, 33, 4; Suet. Caes. 78.

что на чрезвычайно доходное мѣсто прокуратора онъ попалъ по протекціи свирѣпаго и до ненасытности честолюбиваго временщика Сеяна, державшаго въ своихъ рукахъ Римъ при Тиверіѣ, можно думать, что столь исключительной протекціи онъ обязанъ былъ тѣмъ своимъ качествамъ, которыя въ миньютюрѣ дѣлали изъ него второго Сеяна. И дѣйствительно это былъ человекъ крайне запосчивый, властолюбивый, алчный, который съ крайнимъ презрѣніемъ относился къ вѣренному его управленію народу, смотря на него лишь какъ на источникъ государственной казны и своего личнаго обогащенія. Неудивительно, что, при такомъ характерѣ и взглядѣ на управляемый народъ, Понтію Пилату уже на первыхъ порахъ пришлось не разъ приходиться въ крайне непріятное столкновение съ іудеями, которые, невольно чувствуя всю оскорбительность для ихъ самолюбія такого отношенія къ нимъ со стороны иноземнаго правителя — язычника, приходили въ крайнее раздраженіе отъ всякой болѣе или менѣе непріятной имъ мѣры прокуратора. Такихъ столкновений у Пилата въ теченіе его десятилѣтней службы въ Палестинѣ было нѣсколько и они по большей части заканчивались тѣмъ, что до болѣзненности гордый римлянинъ долженъ былъ отступать предъ фанатизмомъ разъяреннаго народа, обнажавшаго свои груди для острія римскихъ мечей и отъ изступленія рвавшаго на себѣ волосы, неистово завывавшаго и выкрикивавшаго угрозы жалобой и доносами Тиверію на всѣ чинимыя его прокураторомъ беззаконія ¹⁾). Понятно, какой горькій осадокъ въ душѣ римскаго игемона должны были оставить такія столкновения, которыя, во всякомъ случаѣ, до крайности обострили его отношенія къ вождямъ ненавистнаго ему народа, и онъ только ради сохраненія своего мѣста держался по отношенію къ нимъ въ качествѣ холодно-высокомѣрнаго савовника, едва сдерживавшаго свою внутреннюю ненависть подъ личиною вѣншей благопристойности.

Для достоинства представителя римской власти, конечно, было не особенно пріятно требованіе вождей іудейства, чтобы

¹⁾ Philo, Leg. ad Cajum 1030—1035. I. Флавій, Древности, XVIII, 3, 2; Bell. Jud. II, 9, 4.

онъ, во вниманіе къ обрядовымъ тонкостямъ малопопятной ему религіи, выпелъ къ нимъ изъ дворца и выслушалъ ихъ заявленіе на открытомъ воздухѣ. Но Пилать уже горькимъ опытомъ дозналъ, какъ опасно затрогивать религіозныя предразсудки іудеевъ, и потому онъ не замедлилъ выдти изъ преторіи, тѣмъ болѣе, что римскій обычай ничего не имѣлъ противъ самой широкой гласности въ разборѣ судебныхъ и всякихъ правительственныхъ дѣлъ. Римскіе правители, а за ними и полуязыческіе Ироды ставили свои трибуналы безразлично то передъ дворцомъ, то на базарѣ, даже въ театрѣ, циркѣ и на большихъ дорогахъ, гдѣ только оказывалась личная надобность въ разборѣ того или другого дѣла¹⁾. Поэтому Пилать приказалъ вынести свое „курульное кресло“ изъ судебной палаты и поставить его на особомъ возвышеніи, которое называлось „гаввааа“—т. е. высокое мѣсто, или по гречески „лиэостротонъ“, т. е. мозаичный помость, сдѣланный изъ разноцвѣтныхъ камней, какъ это въ обычаѣ было у римлянъ, которые любили, чтобы курульное кресло римскихъ правителей и сановниковъ всегда стояло на извѣстномъ возвышеніи надъ окружающими—какъ въ знакъ видимаго величія римской власти, такъ и съ цѣлю дать возможность большому числу присутствующихъ непосредственно слышать постановленія и рѣшенія этой власти²⁾. Въ данномъ случаѣ это, по всей вѣроятности, было постоянное, нарочито устроенное для подобныхъ случаевъ возвышеніе, и можно думать, что, сообразно съ роскошью дворца, и гаввааа блистала изяществомъ и красотой разноцвѣтныхъ мраморовъ, на которыхъ неоднократно ставилъ свое судилище любитель изысканной роскоши и архитектурной красоты—Иродъ великій. Когда курульное кресло, обыкновенно сдѣланное изъ слоновой кости и представлявшее собою въ сущности табуретъ на скрещенныхъ ножкахъ, было уставлено на гавваааѣ,

¹⁾ Такъ, извѣстно, что Иродъ ставилъ свое судилище въ театрѣ (Jov. Ant. XVII, 6, 3); Филиппъ—на большихъ дорогахъ (XVIII, 4, 6); Агриппа I—передъ собраніемъ народа (Дѣян. XII, 4); Пилать—въ циркѣ (Bell. Jud II, 9, 3); Флоръ передъ дворцомъ въ Іерусалимѣ (II, 4, 18).

²⁾ О Цезарѣ извѣстно, что онъ даже въ походы бралъ съ собою не только курульное кресло, но и мозаичный помость для него.

представлявшей достаточно мѣста и для ассистентовъ, неизбѣжныхъ по требованію римскаго судопроизводства, то изъ глубины дворца съ обычною торжественною важностью, предшествуемый, ва-неимѣніемъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ ликторовъ ¹⁾, легионерами и сопровождаемый ассистентами показался игемонъ и занялъ свое мѣсто, у подножія котораго, но все-таки выше окружающихъ людей, заняли мѣста нѣсколько почетныхъ приближенныхъ прокуратора. При обычномъ порядкѣ судопроизводства, передъ трибуналомъ судьи полагались сидѣнья и для обвинителей и даже самого обвиняемаго. Но въ Іудеѣ, къ народу которой римляне вообще относились съ крайнимъ презрѣніемъ, этотъ обычай часто не соблюдался, и трудно представить себѣ, чтобы онъ былъ соблюденъ теперь, когда обвинители находились въ крайне возбужденномъ состояніи и заняты были единственною мыслью, чтобы какъ-нибудь поскорѣе добиться своей кровожадной цѣли, именно утвержденія своего смертнаго приговора надъ осужденнымъ. Въ завоеванныхъ провинціяхъ при судѣ обыкновенно полагались переводчики, но въ данномъ случаѣ, по видимому, ихъ не было, такъ какъ и Пилать и іудейскіе вожди навѣрно знакомы были съ греческимъ языкомъ, какъ языкомъ образованности и всякихъ международныхъ сношеній. По всей вѣроятности, знакомъ былъ съ этимъ языкомъ и божеств. Узникъ, такъ какъ въ Галилеѣ этотъ языкъ былъ весьма распространенъ въ Его время. Отрядъ римскихъ воиновъ, ограждавшихъ трибуналъ прокуратора отъ натиска толпы, завершалъ внѣшнюю обстановку этого римскаго суда въ Палестинѣ.

Занявъ свое мѣсто и окинувъ сборище своимъ пронизательнымъ взглядомъ, Пилать тотчасъ замѣтилъ среди этой возбужденной толпы безконечно кроткаго Страдальца и, указывая на Него, строго и коротко спросилъ: „Въ чемъ вы обвиняете человѣка сего“ ²⁾? На этотъ формальный вопросъ долженъ былъ отвѣчать кто нибудь изъ главныхъ обвинителей; но сборище было въ сильномъ возбужденіи и потому, вмѣсто

¹⁾ Прокураторамъ не полагались ликторы, составлявшіе принадлежность лишь высшихъ сановниковъ, какъ консулы и преторы.

²⁾ Іоан. XVIII, 29.

формальнаго спокойнаго отвѣта, изъ толпы послышалось нѣсколько голосовъ, которые грубо и дерзко загудѣли: „Если бы Онъ не былъ злодѣй, мы не предали бы Его тебѣ“. Такой грубый отвѣтъ толпы не могъ не задѣть чувства достоинства прокуратора, и онъ приготовился дать такой же отпоръ обвинителямъ. Пилать уже не былъ новичкомъ въ Палестинѣ, и такъ какъ все общественное служеніе Христа совершилось въ его прокураторство, то можно быть увѣреннымъ, что онъ уже давно имѣлъ этого „пророка“ подъ надзоромъ своихъ агентовъ, опасаясь, чтобы изъ Него не вышелъ какой нибудь новый зилоть и мятежникъ, въ родѣ надѣлавшаго такъ много хлопотъ римлянамъ Іуды галилеянина. Но чрезъ своихъ агентовъ Пилать могъ уже давно убѣдиться, что этотъ Галилеянинъ всячески избѣгалъ чисто политической популярности, самыя Его бесѣды съ народомъ не заключали въ себѣ ничего политическаго, касались лишь нравственныхъ отношеній, и вся дѣятельность Его направлялась къ изобличенію пустоты и лицемерія іудейскихъ раввиновъ, книжниковъ и фарисеевъ, которыхъ презирали и сами римляне. Когда около Христа собирались массы народа, то въ Кесарію Филиппову, навѣрно, то и дѣло посылались доносы и предупрежденія, хотя и сопровождавшіяся заявленіями, что дѣло это не грозитъ никакими осложненіями, такъ какъ этотъ новый іудейскій Учитель въ политическомъ смыслѣ совершенно безвредный, что только и нужно было римлянамъ. Если теперь поэтому первосвященники и книжники схватили Его и представили на судъ римской власти, то это, конечно, только „изъ зависти“¹⁾, изъ побужденій оскорбленнаго самолюбія. Судя по всему, что только извѣстно было Пилату о Христѣ, онъ смотрѣлъ на Него не иначе, какъ на увлекающагося, но вполне благонамѣреннаго мечтателя, какихъ много было въ то время не въ одной только Палестинѣ, и если Онъ былъ опасенъ для кого нибудь, то только для этихъ надутыхъ, мелочныхъ законниковъ, пелѣщую казунстику которыхъ Онъ изобличалъ предъ народомъ съ изумительною силою и прямою, но вовсе не для римской власти. Поэтому Пилать, сразу обнявъ весь

¹⁾ Марк. XV, 10.

смысль предстоявшаго ему дѣла и задѣтый грубымъ гвалтомъ дерзкаго отвѣта на свой формальный судебный вопросъ, съ нескрываемою горечью въ выраженіи, отвѣтилъ сборищу, что въ такомъ случаѣ прокуратору нечего и вмѣшиваться въ это дѣло: „Возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его“. Въ этомъ отвѣтѣ Пилата нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ тѣмъ отвѣтомъ, который нѣсколькими годами позже далъ подобному же іудейскому сборищу братъ знаменитаго Сенеки, Галліонъ, когда ему, въ бытность свою проконсуломъ въ Ахаіи, пришлось выслушивать отъ коринѣскихъ іудеевъ обвиненіе на ап. Павла въ томъ, что „опъ-де учить людей чтить Бога не по закону“. На это обвиненіе Галліонъ отвѣчалъ: „іудей! если бы какая нибудь была обида, или злой умыселъ, то я имѣлъ бы причину выслушать васъ. Но когда идетъ споръ объ ученіи, и объ именахъ, и о законѣ вашемъ, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей въ этомъ“¹⁾. Известно, что Галліонъ поддѣрпнулъ такое свое рѣшеніе чисто поримски, приказавъ своимъ ликторамъ разогнать все сборище пепавистныхъ всякому порядочному римлянину жидовъ. Навѣрно и Пилатъ не прочь былъ бы сдѣлать тоже самое; но, къ сожалѣнію, онъ былъ не въ Коринѣ, гдѣ іудеи составляли лишь незначительную колонію, а въ самомъ центрѣ іудейства, гдѣ іудеи представляли собою опасную силу. Поэтому онъ ограничился краткимъ отвѣтомъ, въ которомъ однако заключалась доля самаго тонкаго, крайне оскорбительнаго для самолюбія іудеевъ намекъ на ихъ политическую безправность. Пилату, конечно, известно было, что іудейскіе вожди въ своемъ ночномъ засѣданіи уже произнесли смертный приговоръ надъ Христомъ и теперь добивались только утвержденія этого приговора со стороны римской власти, безъ чего они не вправѣ были предавать смерти ни единого человѣка; своимъ отвѣтомъ теперь онъ и имѣлъ въ виду заставить ихъ публично сознаться въ своемъ безправіи и подвергнуть свое самолюбіе заслуженному униженію. И дѣйствительно, онъ достигъ своей цѣли. Изъ толпы послышался отвѣтъ: „Намъ не позволено предавать смерти ни-

¹⁾ Дѣян. XVIII, 12—15.

кого“ :). Иначе они давно бы расправились съ этимъ обольстителемъ народа. Достигнувъ своей цѣли и нанеся вполнѣ заслуженный ударъ іудейскому самолюбію въ отвѣтъ на дерзкое неуваженіе къ римскому трибуналу, Пилать затѣмъ опять хотѣлъ направить судопроизводство на правильный формальный путь и вновь спросилъ, въ чемъ же они собственно обвиняютъ своего Узника. Тогда и іудеи, убѣдившись, что дерзостью нельзя ничего достигнуть и напротивъ можно испортить все дѣло, стали излагать предъ Пилатомъ обвиненіе, и тутъ Каіафа не преминулъ придать политическій характеръ всему дѣлу, чтобы сразу дать понять прокуратору, что ему предстоитъ рѣшать весьма серьезное дѣло, требующее самаго полнаго вниманія со стороны римской власти. Поддерживаемый голосами сборища, Каіафа сталъ обвинять Узника въ томъ, что „Онъ развращаетъ народъ и запрещаетъ давать подать Кесарю, называя Себя Христомъ Царемъ“ 2). Нельзя не замѣтить при этомъ именно сильной, предпамѣренной политической окраски въ обвиненіи. Вѣдь на ночномъ засѣданіи синедріона рѣшительнымъ основаніемъ осужденія Христа на смерть было то, что Онъ „называлъ Себя Сыномъ Божіимъ“ 3), отъ каковаго заявленія Егю Каіафа пришелъ въ священный ужасъ и даже разодралъ на себѣ одежды. Но такъ какъ это обвиненіе не могло имѣть значенія для Пилата, какъ язычника-римлянина, то Каіафа и перевелъ все обвиненіе на чисто-политическую почву, придавъ ему крайне ложный характеръ. Пилату хорошо было извѣстно, что по первымъ двумъ пунктамъ обвиненіе было совершенно ложно, и его агенты въ свое время могли донести ему, какъ галилейскій Учитель отвѣтилъ Своимъ совопросникамъ на ихъ коварный вопросъ о томъ, позволительно ли платить дань кесарю 4). Поэтому прокураторъ обратилъ вниманіе лишь на послѣдній пунктъ обвиненія, что будто Узникъ называлъ Себя „Христомъ Царемъ“, т. е. по буквальному смыслу этихъ словъ — „царемъ, помазаннымъ на царство“. Для обвиненія въ сущности достаточно

1) Іоан. XVIII, 31.

2) Лук. XXIII, 2.

3) Лук. XXII, 70, 71.

4) Лук. XX, 22—25: «Отдавайте Кесарево Кесарю»...

было и этого одного пункта, потому что въ немъ заключалось все, что только могло возбуждать противъ себя грозу римскаго закона. Назвать себя царемъ значило совершить въ глазахъ римлянъ величайшее преступленіе, именно нанести оскорбленіе величію римскаго императора, и оно было тѣмъ страшнѣе, что императоръ Тиверій, въ своей болѣзненной подозрительности, не зналъ пощады къ подобнаго рода претендентамъ и жертвою его мрачной подозрительности уже сдѣлались многіе выдающіяся личности. Нельзя было поэтому оставить такого обвиненія безъ разслѣдованія, и Пилать порѣшилъ произвести личный допросъ Узнику. Овинувъ своимъ любопытнымъ взоромъ этого смиреннаго Страдальца, съ спокойнымъ величіемъ невинности безмолвно стоявшаго среди возбужденнаго сборища Его ожесточенныхъ враговъ, и не найдя въ Его страшномъ униженіи ни малѣйшаго соотвѣтствія съ приписываемыми Ему претензіями, римскій прокураторъ захотѣлъ допросить Его наединѣ, и потому приказалъ ввести Его за собой въ самую преторію. Тутъ Христосъ впервые вступалъ въ царскія палаты, но вступалъ какъ униженный узникъ. Узурпаторъ Продъ когда-то въ этихъ самыхъ палатахъ блисталъ величіемъ и гордою пышностью, а истинный Сыръ Давидовъ стоялъ въ нихъ теперь со связанными руками—предъ лицомъ натянуто-грознаго судьи-язычника!

Съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и высокоумія Пилать, взглянувъ на бож. Узника въ Его страшномъ униженіи, спросилъ Его: „Ты царь іудейскій?“ Неужели Ты дѣйствительно заявляешь это опасное притязаніе? Въ душѣ Пилать не вѣрилъ этому, но формально онъ долженъ былъ разъяснить для себя это опасное обвиненіе, и самый вопросъ задалъ Узнику очевидно для того, чтобы получить отъ него отрицательный отвѣтъ. Но, къ его великому изумленію, Узникъ не далъ этого отрицательнаго отвѣта, а въ свою очередь спросилъ его. въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ слово Царь—въ исключительно ли политическомъ, или религіозномъ? ¹⁾ Когда Пилать на это съ раздраженіемъ замѣтилъ, что вѣдь онъ не

¹⁾ Такой смыслъ, повидимому, имѣетъ вопросъ Христа Пилату: «Отъ себя ли ты говоришь это, или другіе скавали тебѣ о Мнѣ?» Іоан. XVIII, 34. См. И в н о к е н т і й, Послѣдніе дни, стр. 237.

іудей, чтобы понимать все въ религиозномъ смыслѣ, то Христось отвѣчалъ, что если въ политическомъ, то пусть онъ знаетъ, что царство Его не отъ міра сего: „если бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ; но нынѣ царство Мое не отсюда“. Прокураторъ недоумѣвалъ, что все это значитъ. Онъ почувствовалъ невольное смущеніе предъ этимъ таинственнымъ заявленіемъ страннаго Узника. Чтобы поправиться отъ смущенія, Пилать опять ухватился за слово „царство“. Узникъ, повидимому, хочетъ какъ-то иначе объяснить Свое царство; но вѣдь царство предполагаетъ все-таки царя. Упирая на это, Пилать съ настойчивостью задаетъ опять вопросъ: „Итакъ Ты Царь“? — „Да, Царь!“ отвѣчалъ Іисусъ, употребляя своеобразный оборотъ утвердительнаго выраженія ¹⁾. Пилать не могъ не изумиться столь странному отвѣту, которымъ Узникъ Самъ подвергалъ Себя страшной опасности быть обвиненнымъ въ оскорбленіи величества, тѣмъ болѣе, что по римскимъ законамъ сознанія преступника было достаточно для его осужденія. Но его изумленно-строгое выраженіе не могло не перейти въ благодушное, когда онъ выслушалъ дальнѣйшій отвѣтъ Узника, Который говорилъ: „Я на то родился, и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего“. Вотъ въ какомъ смыслѣ Я царь и вотъ кто Мои послѣдователи. Такой отвѣтъ положительно разсѣялъ въ Пилатѣ всѣ сомнѣнія на счетъ обвиняемаго. Онъ убѣдился, что этотъ Узникъ отнюдь не мятежникъ обычнаго рода, а просто какой нибудь совершенно безвредный мечтатель, который, на подобіе греческихъ философовъ и ихъ римскихъ подражателей, всецѣло занятъ рѣшеніемъ вопросовъ объ истинѣ и тому подобныхъ возвышенно безплодныхъ предметахъ, совершенно не касающихся римской власти. Пилать, какъ образованный римлянинъ, въ свое время, въ періодъ увлеченій юности, навѣрно и самъ увлекался подобными же мечтами—открыть для себя истину всѣхъ вещей, посѣщаль философскія школы; но вынесъ лишь то убѣжденіе, что чѣмъ болѣе фило-

¹⁾ «Іисусъ отвѣчалъ: ты говоришь, что Я Царь» (Іоан. XVIII, 37).

софы занимались рѣшеніемъ вопроса объ истинѣ, тѣмъ болѣе затемняли ее, пока наконецъ нѣкоторые не пришли къ полному отчаянію въ возможности вообще найти истину. Да не только въ философіи, но и въ жизни истина есть одна лишь мечта, пустыя бредни, которыми вовсе не къ лицу заниматься римскому саповнику, особенно вынужденному имѣть дѣло съ самымъ лживымъ и коварнымъ народомъ въ мірѣ. Поэтому, повидимому саркастически исказивъ свое гладко-выбритое лицо и петерпѣливо махнувъ рукой, Пилать пренебрежительно произнесъ: да „что такое истина?“¹⁾ и, повернувшись, выпелъ изъ преторіи и всепародно произнесъ свой оправдательный приговоръ: „Я никакой вины не нахожу въ Немъ“.

Но это открытое оправданіе ненавистнаго старѣйшинамъ Узника, для изловленія Котораго потрачено было столько усилій и проведено столько бессонныхъ ночей, только еще болѣе разъярило Его враговъ. Въ отвѣтъ на оправдательный приговоръ Пилата, они неистово закричали, что оправдывать такого человѣка невозможно, такъ какъ Онъ обманщикъ, „возмущаетъ народъ, уча по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи до сего мѣста“²⁾. Среди этихъ криковъ обвинителей съ спокойнымъ безмолвіемъ оставался одинъ только обвиняемый. Пилату показалось это крайне удивительнымъ. „Не слышишь ли, сколько свидѣтельствуютъ противъ Тебя?“ обратился онъ къ Узнику. Но Христосъ продолжалъ хранить спокойное безмолвіе. Тогда Пилать, все болѣе и болѣе проникаясь тайнымъ сочувствіемъ къ Узнику и желая какъ-нибудь отстранить отъ себя это крайне затруднительное для правосудія дѣло, порѣшилъ воспользоваться для этого представлявшимся ему случаемъ — сдать Иисуса властямъ той области, откуда Онъ происходилъ. Заслышавъ изъ криковъ

¹⁾ Въ эввангелиѣ было много разныхъ попытокъ, объяснить смыслъ этого вопроса Пилата: *Quid est veritas?* или погречески: *Ti êstin alêtheia*; поевр.: «Ма-ги гавиать?» — «Что есть истина?» (Іоан. XVIII, 38). Въ виду обстоятельствъ дѣла, представленное объясненіе намъ кажется наиболѣе соответствующимъ тому самаго вопроса, который заданъ былъ очевидно не съ цѣлію его разрѣшенія, а прямо съ выраженіемъ сомнѣнія въ самой возможности его рѣшенія, равно какъ и въ практическомъ вообще значеніи подобныхъ предметовъ.

²⁾ Лук. XXIII, 5.

толпы названіе Галилен и получивъ на свой вопросъ: „развѣ Онъ галилеянинъ?“—утвердительный отвѣтъ, Пилать порѣшилъ отправить Его къ мѣстному областному правителю Ироду Антипѣ, находившемуся по случаю пасхи также въ Иерусалимѣ, надѣясь сдѣлать этимъ любезность честолюбивому царьку и вмѣстѣ сбыть съ рукъ весьма трудное дѣло. Иродъ, занимавшій дворецъ неподалеку отъ преторіи, обрадовался случаю повидѣть человѣка, о Которомъ онъ такъ много слышалъ и давно уже хотѣлъ посмотрѣть на Него. Заинтересованный слухами о Его чудесахъ, онъ теперь обратился къ Нему съ разспросами о Его дѣятельности, предполагая, что Узницъ, въ угоду ему—царьку, пользующемуся благоволеніемъ самого Тиверія,—можетъ при немъ же совершить какое-нибудь необычайное чудо, о которомъ можно будетъ сообщить даже своимъ друзьямъ въ Римъ. Но каково же было его разочарованіе, когда Христось, зная низкую натуру этого царька, котораго Онъ уже раньше заклеилъ позорнымъ названіемъ „лисицы“ (а не именемъ „льва“—какъ, конечно, воображалъ о себѣ царекъ!), „ничего не отвѣчалъ ему“. Тогда раздраженный Иродъ передалъ Узника въ руки своей дворни на поруганіе и затѣмъ вновь отправилъ Его къ Пилату, заявивъ, впрочемъ, что ничего не нашелъ въ Немъ преступнаго, въ видимое доказательство чего приказалъ даже одѣть Его въ бѣлую свѣтлую одежду ¹⁾, въ каковой божеств. Страдалецъ, еще болѣе величественный и во второй разъ оправданный, вновь приведенъ былъ къ преторіи.

Солнце поднялось уже высоко и яркіе лучи его, начиная сильно припекать, въ тоже время придавали особый блескъ свѣтлой бѣлой одеждѣ божеств. Узника. Поставленный въ необходимость опять рѣшать непріятное ему дѣло и желая спасти какъ-нибудь невиннаго, по его убѣжденію, человѣка, а также и поддержать достоинство своего перваго оправданнаго приговора, Пилать попытался теперь обратиться къ чувству и благородству—не этихъ, конечно, сановниковъ и гордыхъ книжниковъ и фарисеевъ, опять стоявшихъ предъ преторіей во главѣ съ первосвященниками,—а простого

¹⁾ Лук. XXIII, 6—12.

народа. По установившемся обычаю, по всей вѣроятности введенному самими римлянами въ видахъ польстить самолюбію подчиненнаго народа, чтобы тѣмъ заставить его скорѣе примириться съ горечью своего политическаго рабства ¹⁾, римскій правитель по случаю пасхи освобождалъ какого-нибудь узника, по желанію и выбору народа. Зная, что все обвиненіе противъ Иисуса есть дѣло первосвященниковъ и старѣйшинъ, и что простой народъ еще недавно обваруживалъ восторженную привязанность ко Христу (при послѣднемъ вѣздѣ Его въ Иерусалимъ), онъ надумалъ предложить для праздничнаго освобожденія на выборъ двоихъ узниковъ, именно Иисуса Назаретскаго и закоспѣлаго разбойника и убійцу—Варавву, который, по одному преданію, также назывался Иисусомъ, въ надеждѣ, что народъ предпочтетъ въ своемъ выборѣ Того, Кого онъ еще падняхъ съ восторгомъ привѣтствовалъ какъ сына своего знаменитаго царя Давида, этой своей національной гордости и славы. Предложеніе Пилата угрожало разстроить весь замыселъ іудейскихъ вождей, и если во-время не оказать ему противодѣйствія, то могло склонить на свою сторону быстро измѣняющійся въ своемъ настроеніи народъ. Поэтому Каиафа съ своей партіей немедленно позаботились о томъ, чтобы отвратить этотъ ударъ и стали уговаривать народъ просить освобожденія Вараввы, а не галилейскаго Учителя. Вѣдь Варавва, доказывали они, несетъ свое наказаніе за то, что онъ какъ патріотъ возставалъ противъ печестиваго ига римлянъ, тяготѣющаго такимъ ужаснымъ бременемъ на іудеяхъ, слѣдовательно стоялъ за народъ, а если и совершилъ какое-нибудь убійство, то все это съ избыткомъ покрывается его патріотическими подвигами. Какъ зилоть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревновалъ о храмѣ и законѣ, а этотъ Галилеянинъ ниспровергалъ законъ, нарушалъ священные обряды и обычаи, поносилъ ревностнѣйшихъ хранителей отеческихъ преданій—фарисеевъ и книжниковъ, однимъ словомъ, подрывалъ вѣру отцовъ и вполне достоинъ примѣрнаго наказанія. Подготовивъ такимъ образомъ почву, старѣйшины

¹⁾ Обычай этотъ, во всякомъ случаѣ, не національный іудейскій. См. М а к к а в е й с к і й, Археологія, стр. 144.

выкрикнули имя Вараввы и стали повторять эти крики съ такою силою и настойчивостью, что они подхвачены были и окружающею толпою, которая также начала требовать, чтобы ей отпустили не Христа, а Варавву. Голосъ народа, когда онъ служить непосредственнымъ выраженіемъ его внутренней совѣсти, бываетъ какъ бы голосомъ Самого Бога ¹⁾. Но тотъ же самый голосъ народа, когда онъ выходитъ изъ ложнаго увлеченія, происходящаго отъ буйства страстей, становится какъ-бы голосомъ самого сатаны, который именно и пользуется часто для достиженія самыхъ темныхъ своихъ цѣлей тѣмъ, что дѣлаетъ своимъ орудіемъ этотъ именно народный голосъ, выступающій часто подъ почтенной личиною такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Такъ было и въ этомъ случаѣ, и Пилать, прислушиваясь къ этому разъяренному гулу голосовъ, сразу могъ убѣдиться, что задуманный имъ планъ не удался. Волна народныхъ криковъ, поддерживаемыхъ обыкновенно на востокѣ самыми отчаянными жестами и тѣлодвиженіями, маханіемъ рукъ и топотомъ ногъ, поднималась все выше и выше, и дѣло угрожало дойти до народнаго мятежа! Пилать уже знакомъ былъ съ подобными сценами. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ вздумалъ было внести въ Іерусалимъ римскія знамена съ ихъ языческими символами и значеями, то отправленная къ нему по этому поводу въ Кесарію депутація, поддерживаемая народной толпою, подняла такіе мятежные крики, которыхъ нельзя было прекратить даже угрозой смерти, и прокураторъ долженъ былъ уступить ²⁾. Такой же оборотъ дѣло угрожало принять и теперь. Пилать началъ колебаться, и свойственное ему, какъ римлянину, чувство законности въ отношеніи къ невинности и собственнаго достоинства въ защитѣ разъ произнесеннаго приговора начало уступать мѣсто желанію какъ нибудь поскорѣе покончить съ этимъ столь неприятнымъ дѣломъ, — и, конечно, интересъ собственнаго положенія стоялъ у него на первомъ планѣ. Лучше уступить этимъ презрѣннымъ іудеямъ, которыхъ не даромъ знаменитѣйшій римскій философъ Сенека назвалъ

¹⁾ Vox populi vox Dei.

²⁾ Jos. Antiq. XVIII, 3, 1.

„самымъ злодѣйскимъ и проклятымъ народомъ“¹⁾). Но въ то же время онъ не могъ не знать знаменитаго положенія законовъ Двѣнадцати таблицъ, которое гласило: „не должно слушать пустыхъ криковъ народа, когда они требуютъ оправданія ли виновнаго, или осужденія невиннаго“²⁾). Положеніе прокуратора было поистинѣ тяжелое. А тутъ случилось еще одно обстоятельство, которое еще болѣе повергло его въ недоумѣніе. Когда онъ, давъ выясниться народному голосу, быть можетъ, хотѣлъ уже опять сѣсть на свое курульное кресло, чтобы произнести окончательный приговоръ согласно съ требованіемъ сборища, изъ глубины дворца явился слуга съ порученіемъ отъ его жены Клавдіи Прокулы. По римскимъ законамъ, собственно женамъ не полагалось сопровождать своихъ мужей при назначеніи ихъ на службу въ провинціи; но это суровое постановленіе временъ республики было отмѣнено при Августѣ, и хотя находило еще горячихъ защитниковъ, въ родѣ Цецины Севера, который говорилъ, что „этотъ полъ, если дать ему волю, жестоко, любить интригу, жаденъ до власти“³⁾), но время взяло свое, и сенатъ согласился съ мнѣніемъ Валерія Мессалина, который краснорѣчиво доказывалъ, что „не хорошо изъ-за одного или двухъ слабоумныхъ мужей у другихъ отнимать подругъ въ счастіи и несчастіи“⁴⁾). И это послѣднее заявленіе вполне оправдалось, повидимому, на прокураторѣ Іудеи, жена котораго, очевидно, не относилась равнодушно къ дѣламъ своего мужа, а старалась помогать ему въ случаѣ какихъ-либо особенно важныхъ затрудненій. По преданію, она была прозелиткой іудейства, и какъ благочестивая римлянка, свободная отъ мелочной фарисейской обрядности и казуистики, была вполне доступна высшимъ религіознымъ вліяніямъ и потому, какъ можно предполагать, съ большимъ интересомъ слѣдила за ученіемъ и дѣлами галилейскаго Пророка, и теперь, узнавъ объ угрожавшей Ему печальной участи, глубоко скорбѣла о Немъ и даже видѣла

¹⁾ «Sceleratissima gens». Прив. у бл. Августина въ De Civ. Dei, VI, 11.

²⁾ Lex XII, De poenis.

³⁾ Тац. Лѣт. III, 33.

⁴⁾ Тамъ же, III, 34.

страшный сонъ, причинившій ей много страданій. Она велѣла сказать своему мужу: „не дѣлай ничего праведнику тому; потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него“¹⁾.

Положеніе правителя-судьи такимъ образомъ все болѣе усложнялось. Конечно, сны бываютъ и обманчивы, но иногда ихъ прямо „внушаетъ Аполлонъ“, и не было ни одного такого римлянина даже среди философски образованныхъ классовъ, который, скептически относясь ко всему, даже къ самой истинѣ, не прислушивался бы съ суевѣрнымъ страхомъ къ тому, что говорятъ сны. И Пилать терялся, не зная, какъ ему быть. Но нужно во всякомъ случаѣ поддержать римское достоинство. Уступить крикамъ черни, значить отпустить на свободу опаснаго для общественнаго спокойствія и римской власти мятежника-зилота, который въ это возбужденное время могъ надѣлать массу хлопотъ, между тѣмъ какъ освобожденіе этого безвреднаго „мечтателя“ было бы дѣломъ совершенно законнымъ, торжествомъ правды и милости надъ завистью и кровожадностью этихъ ненавистныхъ ему, до мозга костей проникнутыхъ злобой и лицемѣріемъ вождей іудейства. Прислушивался къ разъяренному гвалту толпы, среди которой въ неясно смѣшанномъ гулѣ раздавались выкрики: „не Его, а Варавву!“—Пилать порѣшилъ еще сдѣлать попытку обращенія къ здравому смыслу народа. „Кого же собственно изъ двухъ, спросилъ онъ, хотите, чтобы я отпустилъ вамъ?“ Но все было напрасно. „Варавву, Варавву!“—опять съ неистовствомъ загалдѣла толпа, подстрекаемая первосвященниками и старѣйшинами, которые не упустили ни одного момента, чтобы ковать желѣзо, пока оно было горячо. „Смерть Ему, а отпусти намъ Варавву!“—на всѣ лады выкрикивали изъ толпы остервенѣлые голоса. Пораженный такимъ неистовымъ озлобленіемъ, Пилать однако пытался затянуть дѣло, и спросилъ: „чего же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ съ царемъ іудейскимъ?“ Онъ нарочито употребилъ послѣднее выраженіе, чтобы пробудить совѣсть народа, и на время отказываясь даже отъ прямого интереса римской власти, требовавшей, чтобы не

¹⁾ Мс. XXVII, 19. О Прокулѣ см. въ Еван. Никодима, гл. II; у Маккавейскаго, стр. 146.

было и помина ни о какомъ царѣ іудейскомъ, хотѣлъ указать народу на его крайне нелѣпное положеніе, въ которомъ онъ, ослѣпленный злобою, требуетъ освобожденія не того, кого сами же первосвященники обвиняли въ самозванствѣ, а народъ встрѣчалъ съ пальмовыми вѣтвями, какъ Сына Давидова, а какого-то разбойника и убійцу. Но этимъ вопросомъ онъ не достигъ ничего, а напротивъ только поощрилъ вождей толпы ясно высказаться касательно того, чего же они собственно добиваются, и тогда дѣйствительно впервые раздался неистовый крикъ: „Распи, распи Его!“¹⁾ Теперь уже было очевидно, къ чему клонится дѣло. Напрасно Пилатъ, пользуясь каждымъ затишьемъ въ смятеніи, настаивалъ на своемъ, настаивалъ довольно упорно, но—увы—съ каждымъ моментомъ ослабѣвая все болѣе и болѣе. „Какое же зло сдѣлалъ Онъ?“ спрашиваетъ ~~онъ~~ совершенно растерявшійся правитель. Я ничего достойнаго смерти не нашелъ въ Немъ; вы привели ко мнѣ этого человѣка, какъ развращающаго народъ; я при васъ изслѣдовалъ дѣло и не нашелъ Его виновнымъ ни въ чемъ томъ, въ чемъ вы обвиняете Его. Изслѣдовалъ это дѣло и Иродъ Антипа, и также ничего не нашелъ въ Немъ достойнаго смерти. Поэтому, самое бѣльшее, что можно сдѣлать, это—наказать Его примѣрно и затѣмъ отпустить“²⁾. Но такими рѣчами уже нельзя было убѣдить толпы, которая очевидно близко подошла къ тому страшному психологическому моменту, когда она ничего уже не понимаетъ, а въ слѣпомъ изступленіи кричитъ разъ затверженные слова. Притомъ эта рѣчь вполне выдала іудеямъ всю нерѣшительность Пилата и въ дѣйствительности показывала, что перевѣсъ уже на сторонѣ толпы. Поэтому все сильнѣе и сильнѣе оглашали они воздухъ своими неистовыми, отвратительными криками: „Смерть Ему! Распи Его, а отпусти намъ Варавву!“ И Пилату, присутствовавшему при этой оргіи темныхъ силъ злобы, не могла опять же вспомниться та сцена, которая разыгралась нѣсколько лѣтъ тому назадъ передъ его

1) «Γαυλὲβ ὀτὸ, γαυλὲβ!» — Σταύρωσον, σταύρωσον αὐτόν! — Crucifige, crucifige eum! — выкрикивала толпа, вѣроятно, на всѣхъ извѣстныхъ ей языкахъ. Лук. XXIII, 21.

2) Лук. XXIII, 14—22.

дворцомъ въ Кесаріи, когда таже іудейская чернь, во главѣ съ своими старѣйшинами, неистово завывала и вопила въ теченіе цѣлыхъ шести дней, не боясь угрожавшей ей смерти отъ легионеровъ, и не прекращала осаду дворца до тѣхъ поръ, пока гордый римскій прокураторъ не уступилъ этимъ невыносимымъ неотступнымъ крикамъ и не далъ восторжествовать этой самой презрѣнной толпѣ ¹⁾. Тогда дѣло шло о поддержаніи чести римскихъ знаменъ, и все-таки Пилать уступилъ; а теперь дѣло идетъ лишь о защитѣ невиннаго человека отъ ослѣпленной злобы Его враговъ, іудея же отъ іудеевъ: стоитъ ли настаивать особенно? Но когда онъ, изнемогая въ борьбѣ, бросилъ взглядъ на Самого Узника, то въ немъ не могло опять не воспрянуть римское чувство правды, ставившее въ лучшихъ его представителяхъ справедливость выше всего на свѣтѣ ²⁾. Предъ нимъ стояло само воплощеніе невинности. Среди этой неистово кричащей, топающей и ожесточенно размахивающей руками толпы, среди этихъ искаженныхъ злобою, отвратительныхъ лицъ съ сверкающими кровожадными глазами, какъ таинственная тѣнь недвижимо стояла высокая, облаченная въ бѣлый плащъ фигура бож. Узника, Который, видимо погруженный въ Свои божественныя думы, какъ будто не замѣчалъ ничего изъ происходившаго вокругъ Его, какъ будто все это нисколько не касалось Его и неистовые кровожадные крики относились къ кому-то другому. Такое изумительное спокойствіе Узника, въ виду угрожавшей Ему страшной участи, не могло не затронуть въ натурѣ римлянина самыхъ горячихъ чувствъ симпатіи, такъ какъ онъ, къ удивленію, видѣлъ, что и среди іудеевъ бываютъ свои Коріоланы и Муции Сцеволы. Но, конечно, такое благородное мужество есть рѣдкое исключеніе среди этого вообще презрѣннаго, нахально-дерзкаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трусливаго народа, и потому нужно спасти этого Галилеянина. Тогда онъ дѣлаетъ еще одну попытку спасти Узника. Полагая, что можно будетъ утолить кровожадную ярость Его враговъ, не прибѣгая къ крайности, онъ порѣшилъ подвергнуть Его бичеванію, чтобы послѣ такого наказанія, составлявшаго, такъ сказать,

¹⁾ Ant. XVIII, 3, 1.

²⁾ Pereat mundus, fiat justitia!

компромиссъ между правосудіемъ и милостію (съ языческо-іудейской точки зрѣнія), можно было покончить все это дѣло. Поэтому разбойникъ Варавва былъ освобожденъ, а Христосъ приговоренъ къ наказанію ¹⁾).

Сдѣлавъ соотвѣтствующее распоряженіе, Пилать всталъ съ трибунала и удалился во внутренніе покои дворца. По установившемуся обычаю, бичеваніе обыкновенно было прелюдіей къ смертной казни, и потому сборище враговъ Христа ликовало. Наказаніе это было ужасное, и римскіе граждане на основаніи различныхъ законовъ были освобождены отъ него. Зато всѣ, не имѣвшіе правъ римскаго гражданства, а особенно въ спокойныхъ провинціяхъ, подвергались безпощадному бичеванію. Христосъ былъ взятъ близъ стоявшими воинами и сопровождаемый гикомъ и гвалтомъ злорадствующей черни отведенъ былъ во дворъ преторіи, гдѣ находились всѣ необходимыя принадлежности наказанія. Узника, осужденнаго на это наказаніе ²⁾, привязывали къ столбу и по обнаженной спинѣ бичевали особыми бичами съ колючими наконечниками, отъ которыхъ все тѣло жертвы превращалось въ одну сплошную окровавленную рану. Неудивительно, что наказываемые скоро впадали въ безчувствіе, отъ котораго пробуждались съ чувствомъ невообразимыхъ страданій. Такому же бичеванію въ послѣдствіи подвергались нерѣдко и христіанскіе мученики во время гоненій. „Всѣ присутствовавшіе (при одномъ такомъ бичеваніи въ Смирнѣ), рассказываетъ Евсевій Кесарійскій, пришли въ ужасъ, при видѣ того, какъ наказываемые были такъ истерзаны бичами, что обнажились самыя ихъ спины и выступили наружу ихъ мускулы, связи и даже самыя внутренности“ ³⁾. Моисеево законодательство съ его обычнымъ духомъ гуманности ограничило наказаніе определеннымъ числомъ ударовъ. По нему, „сорокъ ударовъ можно дать, а не болѣе, чтобы отъ многихъ ударовъ братъ твой не былъ обезображенъ предъ глазами твоими“ ⁴⁾. Но этотъ гуманный законъ, при безправіи того времени, не соблюдался, а

¹⁾ Лук. XXIII, 25.

²⁾ Flagellatio.

³⁾ Евсевій, Исторія, IV, 15.

⁴⁾ Второз. XXV, 3.

въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, что бичеваніе было совершаемо въ силу приговора, рѣшеннаго судомъ, слѣдовательно, по римскому законодательству, которое не знало никакихъ ограниченій. При обычномъ порядкѣ вещей, такъ какъ бичеваніе считалось однимъ изъ способовъ дознанія, при немъ обыкновенно присутствовалъ и самъ судья, который поощрялъ палачей въ ихъ ужасномъ занятіи, приговаривая: „дай ему!“ Мы можемъ быть увѣрены, что Пилатъ избавилъ себя отъ этой ужасной обязанности, и, удалившись во внутренніе покои, хотѣлъ успокоиться отъ волненія и обдумать планъ дальнѣйшаго дѣйствія, а также, по всей вѣроятности, переговорить и съ своей женой Клавдіей, которая, какъ принявшая столь горячее участіе въ судьбѣ Узника, конечно не преминула лично сообщить своему мужу о пережитыхъ ею во снѣ страданіяхъ и вообще о всѣхъ своихъ недоумѣніяхъ касательно „Праведника“. А въ это время на дворѣ преторіи дѣло шло своимъ чередомъ. Закончивъ бичеваніе и имѣя Узника въ полной „своей воли“¹⁾, грубые легионеры, обыкновенно набравшіеся въ провинціяхъ изъ подонковъ населенія, а также конечно и ближайшіе враги Его, боявшіеся вступить въ преторію, чтобы не оскверниться, по не бывшіе въ состояніи отказать себѣ въ злорадномъ удовольствіи посмотрѣть на жестокое зрѣлище бичеванія, предавались обычнымъ въ то время издѣвательствамъ надъ Узникомъ. Христосъ называлъ Себя царемъ: поэтому можно было позабавиться надъ Его царственностью. На плечи Ему наброшенъ былъ какой-нибудь дыравый военный красный плащъ, въ руки на мѣсто императорскаго скипетра вложена тростинка, а на голову вмѣсто обычнаго лавроваго вѣнка надѣтъ волючій терновый вѣнецъ²⁾, изранившій божеств. Страдальца. Довольные своею изобрѣтательностью, ругатели, издѣвательски преклоняясь предъ Нимъ, насмѣшливо восклицали: да здравствуетъ царь іудейскій!³⁾ и сопровождали эти восклицанія ударами по

¹⁾ Лук. XXIII, 25.

²⁾ Вѣроятно, изъ колючаго кустарника Нубка, который и теперь въ изобиліи растетъ около стѣвъ Іерусалима. Tristram, Natural History of the Bible, стр. 420. Мнѣнія въ этомъ отношеніи впрочемъ расходятся. См. у Маккавейскаго, стр. 153.

³⁾ «Радуйся, царь іудейскій!» Χαίρε ο βασιλεύς!—Ave, Caesar! Мате.

головѣ, плеваніемъ въ лицо и всевозможными вообще выходками, къ какимъ талько способна грубая, избобрѣтательная на жестокости и низости чернь.

Неизвѣстно, сколько времени длилось это поруганіе, но всѣ связаннаго съ нимъ жестокости и издѣвательства не въ состояніи были вызвать ни единого вздоха изъ груди бож. Страдальца. Онъ могъ бы просить о пощадѣ, могъ бы вздохами и болѣзненными воплями умолять Своихъ палачей о состраданіи. Въдъ человѣческое сердце бьется и въ самой грубой, закоснѣлой груди. Но Онъ безмолвствовалъ — хотя безмолвствовалъ лишь потому, что чувствовалъ Свое безконечное торжество и превосходство надъ ними. Въ Геесиманскомъ саду Онъ изнемогалъ подъ невыносимымъ бременемъ Своей душевной тоски и съ воплями взывалъ къ Отцу Своему Небесному, умоляя Его, „да мимо идетъ чаша сія“,—а теперь, когда уже началъ пить эту горькую чашу страданій, Онъ обнаруживалъ спокойную радость побѣдителя. Его безмолвіе было яснымъ знакомъ всецѣлой Его самопреданности на волю Своего Отца. Безропотно перенося поруганія, Онъ исполнялъ дѣло Своей жизни, въ согласіи съ предвѣчнымъ опредѣленіемъ небеснаго совѣта и въ силу любви къ Своему заблудшему народу и всему міру. Для человѣческихъ очей Его царственный духъ былъ покрытъ тучами тѣлесной скорби и муки; но тѣмъ явственнѣе предносился Ему торжествующій конецъ Его земной жизни. Онъ близился къ смерти, чтобы побѣдить и разрушить смерть съ ея дѣлами тлѣнія и воскреснуть въ качествѣ Жизнодавца и основателя Церкви, которая должна спасти міръ ¹⁾!

Такое побѣдное торжество бож. Страдальца среди всѣхъ мукъ униженія едва ли могло ускользнуть отъ вниманія римскаго прокуратора, который, будучи и самъ глубоко заинтересованъ въ судьбѣ этого Узника, навѣрно проникся еще большимъ благоговѣніемъ и страхомъ къ Нему, когда получилъ возможность лично узнать отъ своей жены Клавдіи

XXVII, 29; Марк. XV, 18. Ср. Martial, Epigr. XIV, 73: «Nos didici per me dicere: Caesar, ave!» Этому крику іудеи вторили: «шадѣмъ лекѣ, мелѣкъ га-егудімъ!»

¹⁾ См. Geikie, Life of Christ. II, стр. 550.

причину встревожившихъ ее недоумѣній касательно „Праведника“, и потому у него болѣе чѣмъ когда-либо явилось желаніе оказать защиту попираемой невинности. Но какъ ее оказать? На почвѣ формальнаго суда дѣло было въ сущности уже проиграно. Самое бичеваніе и поруганіе по порядку римскаго уголовнаго судопроизводства было знакомъ того, что обвиняемый признавался виновнымъ и для него наступало преддверіе заслуженныхъ имъ каръ ¹⁾. Такъ это понято было и легионерами и сборищемъ іудейскимъ, и напрасно Пилать пытался придать этому акту другой, такъ сказать, искупительный смыслъ. Но потерявъ дѣло на юридической почвѣ, онъ однакоже не терялъ еще надежды на возможность спасти невиннаго, по его убѣжденію, Узника. Успокоившись отъ волненія, онъ вновь вышелъ на гавваѳу и, собравъ все свое мужество, опять повторилъ свой оправдательный приговоръ: „Вотъ, сказалъ онъ, я вывожу Его къ вамъ, чтобы вы знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины“ ²⁾. Толпа, конечно, не ожидала подобнаго заявленія, и не успѣла еще оправиться отъ недоумѣнія, какъ изъ преторіи „вышелъ Іисусъ въ терновомъ вѣнкѣ и въ багряницѣ“. Онъ былъ истерзанъ и израненъ, съ чела Его струилась по лицу кровь,—но все то же величавое спокойствіе свѣтилось въ этихъ чудесно добрыхъ, всепрощающихъ очахъ и побѣдоносная царственность сказывалась во всей фигурѣ и ея движеніяхъ. Даже каменное сердце должно было смягчиться при видѣ этой униженной и попранной царственности невинно страждущаго чловѣка, и Пилать, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ и взывая къ простому чловѣческому состраданію, сказалъ: „се, чловѣкъ!“ Подумайте, вѣдь это тоже чловѣкъ,—и неужели Онъ не заслуживаетъ простого чловѣческаго состраданія?—Но у враговъ Христа сердце было жестче гранитной скалы, и они, оправившись отъ невольнаго смущенія и

¹⁾ Бл. Іеронимъ, въ своемъ объясн. Мате. гл. XXVII, говорить: «Извѣстно, что Пилать поступалъ сообразно съ римскими законами, въ которыхъ было поставовлено, чтобы чловѣкъ, осуждавшійся на распятіе, предварительно подвергался бичеванію (*prius flagellis verberetur*)». Ср. Cic. in Ver. V, 63; Liv. X, 9; Sen. 12. III, 18; Ios. Bell. Iud. II, 14, 9 и др. привед. у Маккавейскаго стр. 148, прим. 2.

²⁾ Іоан. XIX, 4 и сл.

опасаясь, какъ бы жертва не ускользнула отъ нихъ, еще яростнѣе закричали и затопали, и кровожадными воплями: „распни, распни Его!“ — зловѣще потрясали воздухъ. Это крайне раздражило Пилата, и онъ отвѣтилъ имъ: въ такомъ случаѣ — „возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу въ Немъ вины“.

Если бы Пилатъ обладалъ бѣльшимъ нравственнымъ и гражданскимъ мужествомъ, то въ сущности этимъ и должно бы закончиться все дѣло. На основаніи римскаго закона Узникъ признанъ невиновнымъ, и представитель этого закона призналъ обвиненіе Его въ оскорбленіи величества своимъ политическимъ самозванствомъ недоказаннымъ. Значитъ, оставалось рѣшить дѣло лишь по іудейскому закону; а такъ какъ сила этого закона была ограничена и по нему нельзя было казнить человѣка смертію, то Пилатъ, говоря іудеямъ: „возьмите Его вы и распните!“ — сдѣлалъ лишь опять колкій намекъ на то, что они не имѣютъ права распорядиться жизнью людей. Оставалось закрыть собраніе и разогнать сборище. Но у Пилата не хватило на это рѣшимости, и онъ своею нерѣшительностью погубилъ все дѣло. Іудеи, видя, что первое обвиненіе въ оскорбленіи величества, на какое они собственно болѣе всего и рассчитывали, не удалось, съ поразительною изворотливостью перешли на другую почву и дерзко отвѣчали прокуратору: если ты не находишь въ Немъ вины по своему римскому языческому закону, то „мы имѣемъ (свой) законъ, и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ Себя Сыномъ Божиимъ“¹⁾. Это послѣднее заявленіе теперь, послѣ всего, что уже произошло и было почувствовано прокураторомъ, произвело на него необычайное дѣйствіе. Услышавъ его, Пилатъ положительно испугался. „Filius Dei“ — да, все показываетъ въ Немъ, что Онъ болѣе, чѣмъ человѣкъ. Не даромъ и Клавдія получила таинственное предостереженіе во снѣ. Такимъ образомъ, дѣлая несправедливость по отношенію къ Нему, можно оказаться несправедливымъ и къ самому божеству. Нужно изслѣдовать эту сторону дѣла, и Пилатъ, до крайности растерянный, вновь позвалъ Христа вовнутрь преторіи, чтобы опять подвергнуть Его еди-

¹⁾ Іоан. XIX, 7.

ногласному допросу. „Откуда Ты?“ — спрашивает Его Пилатъ. — Земное ли Ты существо, или, въ самомъ дѣлѣ, не съ неба ли Ты, таинственный и страшный *filius Dei*? — Какъ образованному римлянину, Пилату, конечно, извѣстна была какъ римская, такъ и греческая литература; а она проникнута была ожиданіемъ какого-то таинственнаго явленія на землѣ для обновленія одряхлѣвшаго міра. Даже столь трезвые и серьезные писатели, какъ римскіе историки, и тѣ записали на страницахъ своихъ лѣтописей широко распространенную молву, что скоро долженъ былъ явиться и притомъ именно въ Іудеѣ какой-то необыкновенный человекъ, имѣющій покорить весь міръ ¹⁾. Какъ правителю Іудеи, эта молва должна была быть болѣе извѣстна Пилату, чѣмъ кому нибудь другому, такъ какъ съ нею связывалась опасная для римскаго владычества мысль. Не стоитъ ли предъ нимъ это воплощенное божество? Пилату казалось, что онъ напалъ на истинную суть дѣла. Если, въ самомъ дѣлѣ, предъ нимъ стоитъ богъ или полубогъ, такъ жестоко потерпѣвшій отъ рукъ іудеевъ, то пусть только онъ откроетъ это, и тогда прокураторъ, увѣренный въ поддержкѣ себѣ со стороны благодарнаго божества, немедленно разгонитъ эту отвратительную іудейскую чернь и самъ готовъ сдѣлаться правой рукой Его въ дѣлѣ покоренія міра (въ надеждѣ на приличное конечно вознагражденіе впоследствии). Пилатъ нетерпѣливо ждалъ отвѣта на свой вопросъ, — „но Иисусъ не далъ ему отвѣта“, потому что мысль его, вѣрная въ началѣ, стала на ложную, политическую почву въ концѣ. Тогда съ обычною у суевѣрныхъ язычниковъ измѣнчивостью благоговѣйный страхъ у Пилата перешелъ въ гнѣвное раздраженіе, и онъ запальчиво воскликнулъ: „мнѣ ли не отвѣчаешь? Не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть отпустить Тебя?“ Какое жалкое самообольщеніе! Если и въ борьбѣ съ іудейскимъ сборищемъ вполнѣ обнаружилось все безсиліе прокуратора, то тѣмъ богохульственнѣе выставлять свое самовластіе, когда всякая власть въ дѣйствительности исходитъ отъ Бога. Христосъ отвѣчалъ Пилату: „ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше; поему (хотя и

¹⁾ Тацитъ, Истор. V, 13; Светоній, *Vesp.* с. IV. См. «Христ. Чтеніе», выпускъ I, 1893 г. ст. «Волхвы съ востока», стр. 22 и 23.

ты совершаешь грѣхъ, не дѣйствуя съ достаточнымъ мужествомъ въ защиту справедливости, но) болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ“. Даже и въ своемъ крайнемъ униженіи, понесенномъ по винѣ этого римскаго правителя, Христосъ безконечно милостивъ и сострадателенъ къ нему, и сдѣлавшись въ этотъ моментъ судіей, предъ Которымъ гордый язычникъ оказался подсудимымъ Онъ преподаетъ ему урокъ вѣчной правды.

Пораженный такимъ глубокимъ отвѣтомъ, который можно бы услышать скорѣе отъ какого нибудь глубочайшаго философа, а не отъ жалкаго галилейскаго Узника, Пилатъ задумался опять и не зналъ, что ему теперь дѣлать. Но во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ евангелистъ, отселѣ „Пилатъ (еще болѣе) желалъ отпустить Его“. Испытавъ всѣ средства, онъ надумалъ сдѣлать еще одну послѣднюю попытку, именно подѣйствовать на самую чувствительную струнку іудейскаго народа, на его патріотизмъ и національное самолюбіе. Выйдя изъ преторіи и занявъ свое мѣсто на гавваѣ, онъ приказалъ вывести за собой и Иисуса, и когда бож. Страдалецъ опять появился у гавваѣ—все тотъ же величественный и спокойный, такъ что терновый вѣнецъ казался на Немъ побѣднымъ лавровымъ вѣнкомъ, а издѣвательская багряница великолѣпной царской порфирой, то Пилатъ, указывая на Него, торжественно сказалъ: „Се Царь вашъ!“ Но напрасенъ былъ и этотъ изворотъ. Старѣйшины успѣли настроить толпу такъ, что какіе бы доводы ни приводились ей, она неистово кричала одно и то же: „распи, распи Его!“ А когда прокураторъ, растерявшись отъ этой новой неудачи, въ раздраженіи спросилъ: „царя ли вашего распну?“ то высокіе злоумышленники, а за ними и весь народъ закричали: „у насъ нѣтъ царя, кромѣ кесаря. Если отпустишь Его, ты не другъ кесарю. Всякій, дѣлающій себя царемъ (а также и потворствующій таковому), противникъ кесарю“. Такого оборота совсѣмъ не ожидалъ Пилатъ, такъ какъ не предполагалъ, чтобы завѣдомыя ненавистники римскаго владычества, открыто и еще болѣе тайно проповѣдывавшіе, что у избраннаго народа одинъ только Царь, именно Иегова, и постоянно подстрекавшіе народъ къ мятежамъ ученіемъ, что скоро придетъ истинный царь іудейскій, сынъ Да-

видовъ, который ниспровергнетъ ненавистное владычество хищнаго римскаго орла, дошло до такого гнуснаго лицемѣрія, заявленнаго такъ всенародно.

И онъ объять былъ ужасомъ, такъ какъ эти самыя злоумышленники, будучи злѣйшими врагами римскаго владычества, въ данномъ случаѣ могли выступить въ качествѣ сторонниковъ римской короны и донести на Пилата въ Римъ, какъ на измѣнника, публично поддерживавшаго какого-то самозваннаго „царя іудейскаго“. Нѣчто подобное было уже съ нимъ и раньше. Когда онъ, желая польстить императору Тиверію, выставилъ однажды посвятительныя щиты съ его и своимъ именемъ на горѣ Сіонѣ, то іудейскіе зилоты, усмотрѣвъ въ этомъ оскорбленіе своему закону, шумно требовали отъ него удаленія щитовъ, угрожая въ противномъ случаѣ принести жалобу самому Тиверію, „водя котораго, какъ кричали они, состоитъ въ томъ, чтобы ихъ законы пользовались уваженіемъ“. Уже тогда это заявленіе сильно напугало прокуратора, потому что, по свидѣтельству Филона, онъ опасался, чтобы іудейская депутація не раскрыла предъ императоромъ всѣхъ его преступленій, „продажности его приговоровъ, его грабительства, разоренія имъ цѣлыхъ семействъ, и всѣхъ совершенныхъ имъ постыдныхъ дѣлъ, многочисленныхъ казней лицъ, неосужденныхъ никакимъ судомъ, и совершенныхъ имъ крайнихъ жестостей всякаго рода“¹⁾. Такъ какъ онъ тогда хотѣлъ однако настоять на своемъ, то жалоба на него дѣйствительно была принесена и, Тиверій, оставшись недоволенъ затѣей Пилата, приказалъ ему удалить щиты изъ Іерусалима и повѣсить ихъ въ храмѣ Августа въ Кесаріи. Если уже тогда столь неблагопріятнымъ для него оказался исходъ его столкновенія съ фанатическимъ народомъ, то чего было ожидать теперь? Ему конечно извѣстно было, что въ это самое время законъ объ оскорбленіи величества дѣйствовалъ въ Римѣ съ неумолимою жестокостью, жертвою подозрительности Тиверія пали уже многіе важные сановники, и въ этомъ отношеніи, какъ говорить Тацитъ, „ни Тиверій, ни обвинители-доносчики не знали

¹⁾ Philo, Leg. ad Cajum, §38.

усталости“¹⁾). Доносъ, сдѣланный при настоящихъ условіяхъ, могъ стоять ему не только занимаемаго мѣста, но и жизни. Тогда онъ окончательно потерялъ голову и, заботясь теперь больше о себѣ и своемъ положеніи, чѣмъ о правосудіи, рѣшился уступить крикамъ ненавистнаго ему народа²⁾).

Но жалкій, растерявшійся правитель, онъ все-таки хотѣлъ выгородить себя отъ страшной отвѣтственности въ столь ужасномъ погрѣшеніи справедливости, и хотя внѣшнимъ знакомъ думалъ заявить іудеямъ о своей непричастности къ великому злодѣянію. Естественнымъ символомъ для этого издавна служило омытіе рукъ. Этотъ символъ употреблялся и у язычниковъ, но онъ имѣлъ особенную обрядовую важность у евреевъ, гдѣ онъ встрѣчается уже въ отдаленной древности. Такъ, по закону Моисееву, въ случаѣ неизвѣстно кѣмъ совершеннаго убійства, старѣйшины города, близъ котораго найденъ убитый, должны были совершить омовеніе рукъ съ произнесеніемъ словъ: „руки наши не проливали крови сей, и глаза наши не видѣли“³⁾). Отсюда естественно самое выраженіе „омывать руки“ вошло въ пословицу и оно неоднократно встрѣчается въ поэтически восторженныхъ псалмахъ Давидовыхъ⁴⁾). Мишна свидѣтельствуетъ, что самый обрядъ продолжалъ сохранять свое значеніе до позднѣйшаго времени⁵⁾). И вотъ этимъ-то обрядомъ и воспользовался Пилать для заявленія о своей непричастности къ осужденію Праведника. Замѣчательно, что само употребленное имъ при этомъ выраженіе вполне соотвѣтствуетъ именно характеру іудейскаго обряда. Желая придать въ глазахъ іудеевъ особенную выразительность своему дѣйствию, онъ не ограничился простымъ языческимъ символомъ, а совершилъ именно іудейскій обрядъ со всею его

¹⁾ Тацитъ, Лѣтопись, III, 36—38; см. также въ перев. проф. В. И. Модестова, прим. 153 на стр. 160.

²⁾ «И превозмогъ крикъ ихъ и первосвященниковъ, съ грустію замѣчаетъ ев. Лука, и Пилать рѣшилъ быть по прошенію ихъ». Лук., XXIII, 23 и 24.

³⁾ Второз. XXI, 1—7.

⁴⁾ Пс. XXV, 6: «Буду омыwać въ невинности руки мои»; Псал. LXXII, 13: «не напрасно ли я очищаль сердце мое, и омываль въ невинности руки мои?»

⁵⁾ Sot. IX, 6. Привед. у Эдершейма II, р. 578. Срав. Дан. XIII, 46: «чистъ я отъ крови ея.»

узаконенною торжественностью. Приказавъ принести себѣ сосудъ съ водою, онъ „умыль руки предъ народомъ и сказалъ: невиновенъ я въ крови праведника сего ¹⁾.—Смотрите вы“,— съ грозною торжественностью прибавилъ онъ. По свидѣтельству мишны, когда старѣйшины, совершивъ уставовленный обрядъ и омывъ руки, заявляли о своей непричастности къ крови убитаго, священники отвѣчали на это заявленіе молитвой, которая гласила: „Прости, о Господи Боже, дѣло сіе народу Твоему, который Ты искупилъ, и не возложи невинной крови на народъ Твой Израиля!“ Эта молитва не могла не быть извѣстна присутствовавшимъ тутъ первосвященникамъ и книжникамъ, и потому должна бы хотя на моментъ затронуть ихъ закоснѣлую совѣсть. Да она несомнѣнно и припомнилась имъ; но это только еще болѣе разъярило ихъ, и заявленіе Пилата было мгновенно заглушено воплями обезумѣвшей отъ злорадства черни и ея вождей: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ Многіе изъ этой самой толпы, навѣрно, живо припомнили себѣ эту ужасную клятву, когда лѣтъ тридцать спустя на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ былъ разъяреннымъ прокураторомъ Флоромъ приговоръ, въ силу котораго 3,600 іудеевъ, и среди нихъ много знатнѣйшихъ, подвергнуты были бичеванію и распятію ²⁾, а нѣсколько лѣтъ спустя тому же наказанію подвергнуты были уже безчисленныя массы злополучнаго народа, такъ что, по ужасному свидѣтельству іудейскаго историка, „мѣста не доставало для крестовъ, и крестовъ не доставало для тѣлъ“ ³⁾ Поистинѣ безумная клятва возымѣла свою силу, и на еврейяхъ вполнѣ оправдался древній богоустановленный законъ, угрожавшій взыскать кровь

¹⁾ Матѳ. XXVII, 24.—Элершеймъ справедливо обращаетъ вниманіе на то, что самое выраженіе Пилата: *ἀθῶος ἀπὸ τοῦ αἵματος* (свободенъ отъ крови) есть гебраизмъ, букв. переводъ еврейскаго оборота: *наки миддәмг*. Т. II, стр. 578. Ср. 2 Цар. III, 28: «невиновенъ я въ крови Авенира».

²⁾ Bell. Jud. II, 14, 9.

³⁾ Bell. Jud. V, 11, 1. Нельзя не отмѣтить глубоко-поразительнаго суда Божія, какъ онъ проявился надъ іудеями. Всѣ тѣ муки и истязанія, которымъ они подвергали Христа, имъ пришлось испытать и на самихъ себѣ: «сначала они были подвергаемы бичеванію, а потомъ и всевозможнымъ видамъ пытокъ и истязаній передъ своею смертію, и затѣмъ были распинаемы на крестахъ предъ стѣнами города» Тамъ же.

пролитую рукою человѣческою ¹⁾). Но тогда, предъ трибуналомъ Пилата, они въ своемъ безумномъ изступленіи, попрали этотъ законъ своего писанія и законъ своей совѣсти, и дико ликовали, когда прокураторъ, наконецъ, въ отчаяніи далъ приказъ воинамъ приготовить крестъ и распять на немъ „царя іудейскаго“. По римскимъ судебнымъ законамъ приговоры всегда требовалось оформить, т. е. письменно изложить и скрѣпить подписью. По одной изъ дошедшихъ до насъ версій этого приговора, онъ гласилъ: „Исуса Назарянина, возмутителя народа, оскорбителя Кесаря и ложнаго Мессію, какъ доказано свидѣтельствомъ большинства Его собственнаго народа, отвести на обычное мѣсто казни и въ посмѣяніе Его (мнимаго) царскаго величества среди двухъ разбойниковъ пригвоздить къ кресту. Иди, ликторъ, готовъ кресты!“ ²⁾).

Произнеся этотъ или подобный приговоръ, Пилатъ такъ или иначе покончилъ съ крайне тяжелымъ, причинившимъ ему столько бесполезныхъ хлопотъ и нравственныхъ страданій, дѣломъ. Подписавъ приговоръ, онъ оставилъ гаввау съ „омытыми руками“, — но съ очищеннымъ ли сердцемъ? ³⁾. Мы можемъ только гадательно предполагать, въ какомъ ду-

¹⁾ Быт. IX, 5 и 6.

²⁾ Латинскій подлинникъ этого приговора приведенъ у Маккавейскаго, стр. 160. Эта версія приговора однако весьма поздняя (отъ XVI в.) и рядомъ съ нею извѣстно еще нѣсколько версій болѣе подробныхъ.

³⁾ Въ Абиссиніи недавно найдена одна весьма древняя рукопись такъ называемой исповѣди Пилата. Рукопись эта написана на эѳіопскомъ языкѣ и вѣроятно коптскаго происхожденія (по мнѣнію проф. Джемса—часть апокрифическаго евангелія, занесеннаго въ Абиссинію коптами). На одномъ листѣ рукописи изложено отрывокъ бесѣды Пилата у гроба Христа, гдѣ сказано: «Я вѣрую, что Ты воскресъ и мнѣ явился, и вѣрую также, что Ты, Господи, не будешь судить меня, ибо я дѣйствовалъ, осуждая Тебя, не боясь евреевъ. Вѣрую въ Твои слова и въ дѣла, какія Ты совершилъ, когда находился среди людей. Ты воскресилъ многихъ мертвыхъ». Въ Абиссиніи Понтій Пилатъ, какъ извѣстно, причисленъ къ лику святыхъ, а имя его жены Клавдіи Прокулы значится въ нѣкоторыхъ святцахъ и греческой церкви (27 октября). О томъ, что она увѣровала во Христа, свидѣлствуютъ Оригенъ въ толк. на ев. Маттея, Св. І. Златоустъ и Иларій. Преданіе о ней сохранилось у Никифора въ церк. исторіи I, 30, и въ апокриф. еванг. Никодима («Прокла» или «Клавдія Прокула»).

шевномъ состояніи отправился онъ сообщить о содержаніи своего приговора надъ „Праведникомъ“ своей женѣ Клавдіи, которая, какъ много настрадавшаяся и наболѣвшая душой за того же Праведника, конечно первая встрѣтила его во внутреннихъ покояхъ двора. Не знаемъ также, долго ли все это страшное дѣло тяготѣло на совѣсти Пилата и скоро ли ему удалось (если только удалось вообще) при помощи ловкихъ извивовъ языческо-римской законнической казуистики снять съ себя это тяжелое бремя совершенной имъ неправды; но одно несомнѣнно, что ему не удалось оправдаться предъ совѣстью человечества, и его имя навсегда связалось съ совершеннымъ или допущеннымъ имъ ужаснымъ преступленіемъ богоубійства. Уже язычникъ Тацитъ въ своей знаменитой „лѣтописи“, какъ бы выражая совѣсть языческаго міра, написалъ роковыя слова, что „Христосъ въ правленіе Тиверія преданъ казни прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ“¹⁾, и этотъ голосъ языческой совѣсти напелъ проносный отголосокъ въ символъ вѣры христіанской вселенской церкви, которая, ежедневно исповѣдая свою вѣру во Христа, исповѣдуетъ ее не иначе, какъ вспоминая о томъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ „распятъ за ны при Понтійствѣ Пилатѣ“.

А. Митявинъ.

---

¹⁾ Тацитъ, Лѣтопись XV, 44: «Christus Tiberio imperante per procuratorem P. Pilatum supplicio affectus erat». Это одно изъ самыхъ ясныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствъ языческой древности въ пользу достовѣрности евангельской исторіи о распятіи и смерти Іисуса Христа.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки